

УДК 27

Никольский Евгений Владимирович
доктор филологических наук

Nikolsky Evgeny V.
Doctor of Philology

**ТРУДЫ ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ (УСПЕНСКОГО)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА
(ПРОБЛЕМЫ ЛИТУРГИКИ И ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ)**

**WORKS OF BISHOP PORPHYRY (USPENSKY)
ON THE STUDY OF THE CHRISTIAN EAST
(PROBLEMS OF LITURGICS AND CHURCH HISTORY)**

Аннотация. В статье анализируются труды известного русского церковного писателя, богослова, литургиста и мемуариста владыки Порфирия (Успенского), старшего современника и наставника святителя Феофана Затворника. Труды еп. Порфирия — его исследования и книги — до сегодняшнего дня не утратили своей научной ценности по причине их уникальности. Так, например, до настоящего времени нет таких подробных и комплексных исследований абиссинского (эфиопского) богослужения, изучению которого так много времени и сил отдал епископ Порфирий. Внимательное прочтение эфиопских богослужебных книг, приведение обширных цитат из них, а также описание совершения эфиопского богослужения послужило причиной того, что фактически именно благодаря Успенскому мы сегодня знаем об истории эфиопского богослужения, а именно совершения чинопоследований крещения, причащения, венчания, отпевания, хиротонии, венчания на царство, служб особо чтимым святым и т. п. Находясь на Востоке, будущий епископ собрал обширный материал по истории православного богослужения, который в дальнейшем систематизировал в своих многочисленных трудах.

Abstract. The article analyzes the works of the famous Russian Church writer, theologian, liturgist and memoirist, Bishop Porfiry (Uspenky), senior contemporary and mentor of Saint Theophan the Recluse. Research and book of the Bishop to this day, his works have not lost their scientific value due to their scientific uniqueness. So, for example, until now, there are no such detailed and comprehensive studies of Abyssinian (Ethiopian) worship, the study of which so much time and effort was given by Bishop Porphyry. A careful reading of the Ethiopian liturgical books, bringing extensive quotations from them, as well as a description of the making of the Ethiopian Liturgy was the reason that it is actually due to the assumption we know today about the history of the Ethiopian Church services, namely, making Chenopodiaceae of baptism, communion, marriage, burial, ordination, coronation, services, a particularly revered Saint, etc. Being in the East, the future Bishop collected extensive material on the history of Orthodox worship, which later systematized in his numerous works.

Ключевые слова: историческая литургия, Порфирий Успенский, ИППО, Синайский кодекс, церковные мемуары, дохалкидонские церкви, монархизм, богослужбные чины, русская патрология, эфиопская церковь, межконфессиональный диалог.

Key words: historical liturgics, porphyry of the assumption, IPPO, Sinai code, Church memoirs, pre-Chalcedonian churches, liturgical rites, Russian Patrology, Ethiopian Church, interfaith dialogue.

*«Старинные рукописи ценны не по количеству, а по содержанию. Ежели в библиотеке находится и одна рукопись, да неизвестная, или очень древняя; то видеть ее несравненно любопытнее, чем пересматривать тысячи книг, напр., на лейпцигском торжище»
Епископ Порфирий Успенский*

XIX столетие в академической среде принесло необыкновенно ярких и серьезных личностей. Этот век дает толчок развитию научного подхода к любой богословской области. Академические дисциплины развиваются в самостоятельные науки. Выкристаллизовываются догматическое богословие, богословие полемическое (сравнительное), литургия и др. Однако развитие литургии-

ки как науки было довольно медленным в связи с отсутствием живого представления собственно о развитии богослужения, истории этого развития и подробного раскрытия символичности сакраментальных частей общественного и частного богослужения.

В силу сложившихся условий стало возможным изучить наследие древнехристианского Востока, в частности Святой Земли, Египта и Эфиопии. Специально отметим, что после захвата арабами Иерусалима в VII веке состояние Православия в Палестине постепенно приходит в упадок. Многочисленные войны последующих веков никак не благоприятствуют преумножению научных и богословских знаний в области исследования Святой Земли. Лишь в эпоху Нового времени начинает пробуждаться интерес к литургическим и археологическим памятникам древности. Среди выдающихся исследователей Православного Востока первейшее место по времени и достоинству проведенной работы занимает архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий (Успенский). Трудами этого неутомимого труженика была основана Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, найден Синайский кодекс Священного Писания.

Находясь на Востоке, будущий епископ собрал обширный материал по истории православного богослужения, который в дальнейшем систематизировал в своих многочисленных трудах. Его перу принадлежит множество работ по церковной истории, библеистике, церковной археологии и этнографии, палеографии и церковному искусству. Проведенные им исследования положили основание для дальнейшего развития литургического богословия в Русской Церкви. На сегодняшний день интерес к его литургическому наследию не только не ослабевает, но и наоборот возрастает в связи с появившейся возможностью посещения нашими соотечественниками Святой Земли, а также изучением ее древностей, первое описание которых с богословской точки зрения дал именно архимандрит Порфирий.

Архимандрит, а впоследствии епископ Порфирий (Успенский) — один из тех великих русских мужей XIX века, которые на пути истинной веры и научного подвижничества не только заложили основы русской церковной науки, но и ознакомили ее

огромными достижениями. Его имя стоит в одном ряду с такими именами, как протоиерей Александр Горский, митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), архиепископ Филарет (Гумилевский) и другие. Фактически он стал первым русским богословом, который посетил христианский Восток, прожил там свыше десяти лет и дал подробное описание богослужения и литургических особенностей Святой Земли, греческих монастырей, а также дохалкидонских церквей, среди которых он особым образом выделял Абиссинскую (Эфиопскую Церковь).

Разносторонне образованный, знавший древние и современные языки, обладавший острым умом и неутомимой энергией, епископ Порфирий (Успенский) горячо любил истину и был предан Церкви. Всю жизнь занимаясь древностями, он живо интересовался и современностью, смело высказывался не только относительно исторических событий. Его воззрения на установившуюся практику Синодальной Церкви нередко встречали негативную реакцию со стороны официальных церковных структур. Успенский говорил о необходимости восстановления в России патриаршества и радикального изменения епархиального управления, призывал реформировать систему преподавания в духовных учебных заведениях, критиковал бесперспективность существования духовного сословия как касты. За годы работы в Русской духовной миссии архимандрит Порфирий (Успенский) объездил весь Восток, побывал также в Греции, Италии — местах, связанных с ранним христианством. Эта эпоха интересовала его более всего, и многие его открытия проливают свет на историю первоначального христианства.

Конечно же, самые выдающиеся открытия ученый архимандрит совершил не во время своих кабинетных систематизаций собранного ранее материала, а во время непосредственных поисков литургических памятников христианского Востока. В 1848 г. в Вифлееме о. Порфирий ознакомился со многими рукописными и печатными книгами как богослужебными, так и для духовного назидания, и Номоканонам, написанными как на арабском языке, так и переведенные с греческого. Виденные книги показывали, как высока была культура этих арабских писателей и переводчиков. Научная работа по изучению книжных сокровищ Палести-

ны продолжалась и в Иерусалиме по окончании вифлеемского паломничества. Просвещенный архимандрит не только изучил древние книжные сокровища, но по мере своих материальных возможностей старался приобретать их, чтобы потом перед своей смертью передать их родной русской науке.

К числу первых литургических памятников, изученных архимандритом Порфирием, относится уже ставший всемирно известным Синайский кодекс. Однако до 40-х годов XIX века о нем в научном мире не было ничего известно. Этот древний манускрипт Священного Писания, содержащий в себе практически полный текст Ветхого и Нового Заветов, принадлежит к числу маюскульных библейских рукописей, т. е. написан одними прописными буквами (маюскулами, от лат. *maiusculus* — несколько больший). Маюскульное письмо было характерно для Древней Греции, Рима и Византии вплоть до IX в. Именно характерным образцом библейской маюскульной рукописи и является изученный образованным архимандритом Синайский кодекс. Интересна история обнаружения и первого научного изучения кодекса.

Рукопись названа по имени места хранения — монастыря Святой Екатерины на Синайском полуострове в Египте. Как известно, обитель находится у подножия горы, где Моисей получил десять заповедей. Ученые полагают, что рукопись, сделанная на пергаменте — одна из 50 копий Священного Писания, заказанных римским императором Константином после его обращения в христианство. По Божиему Промыслу этот древний список IV века остался в своем первоизданном виде. Свитки находились в монастыре до середины XIX века, пока посетивший его немецкий исследователь Константин фон Тишендорф не увез часть документа в Германию и Россию. В монастыре до сих пор уверены, что рукопись была украдена. Однако история сообщает нам следующее. Действительно, Константин Тишендорф прибыл в Египет с одной единственной целью — во что бы то ни стало добыть древнюю рукопись, о которой он узнал еще в годы учебы в Лейпцигском университете. Им двигало желание восстановить истинный текст Нового Завета, так как многочисленные переводы, по его мнению, могли утратить нечто важное. В течение нескольких лет он побывал во многих городах Европы, где изучал старинные библейские первоисточники.

Когда он достиг монастыря Святой Екатерины на Синае в 1844 г., там оставалось всего 18 иноков. Монахи не были предрасположены к общению с иноверцем, но последний не собирался сдаваться и обнаружил в монастырской библиотеке 129 пергаментов. Это был греческий перевод Ветхого Завета Септуагинты. Текстов Нового Завета тогда обнаружить не удалось. В 1853 г. Тишендорф снова отправляется в монастырь св. Екатерины и предлагает монахам продать оставшиеся части кодекса. Иноки ответили отказом. Тогда Константин решает обратиться за помощью к русскому правительству, которое покровительствовало монастырю св. Екатерины. Вернувшись в монастырь, Тишендорф встретил более дружелюбное отношение монахов, и настоятель передал исследователю старую рукопись, которая хранилась у него в келье. Фон Тишендорф получил первоисточники, содержавшие весь Новый Завет, а также две апокрифические книги. Ни в Ватиканском, ни в Александрийском кодексах текстов Нового Завета полностью не было. К тому же найденная рукопись оказалась древнее двух уже известных Кодексов. находка содержала большинство книг Ветхого Завета и весь Новый Завет, а кроме того, Послание апостола Варнавы и «Пастырь» Ермы.

Первоначально кодекс передали Тишендорфу во временное владение. Но затем великий исследователь знакомится с русским князем Константином, и монахи передают рукопись в дар России. К юбилейным торжествам тысячелетия Русского государства Константин Тишендорф опубликовал Синайский кодекс и привез книгу в Петербург. В Лейпциге она вышла под заголовком: «Codex Bibliorum Sinaiticus Petropolitanus, спасенный из мрака под покровительством Его Императорского Величества Александра II». С успехом ученого поздравляли европейские монархи и Папа Римский. В награду за дар и проделанную работу в России он получил потомственное дворянство.

Какое же отношение к Codex Sinaiticus имел о. Порфирий? Особо притягательным для отца Порфирия был Синай. В отличие от большинства древних обителей, Синайский монастырь святой Екатерины никогда не подвергался разграблению. Он представлялся учёному настоящей сокровищницей древностей. Познакомившись с братией монастыря, которая оказала ему очень радуш-

ный прием и отвела начальнику Русской миссии и его спутникам хорошие кельи для проживания, о. архимандрит испрашивает разрешения для работы в библиотеке древней обители. Это было в апреле-мае 1845 г., т. е. на следующий год после обнаружения Тишендорфом синайского корпуса Священного Писания. О. Порфирий (Успенский) также обнаружил листы Синайского кодекса, и не только 86 листов, которые не разрешили вывезти Тишендорфу во время первого посещения монастыря, но и оставшиеся части Ветхого Завета и весь Новый Завет. Вот как это описывает сам архим. Порфирий: «...первая рукопись, содержащая Ветхий Завет неполный и весь Новый Завет с посланием ап. Варнавы и книгой Ермы, писана на тончайшем белом пергамене... Буквы в ней совершенно похожи на церковнославянские. Постановка их прямая и сплошная. Над словами нет придыханий и ударений, а речения не отделяются никакими знаками правописания, кроме точек. Весь священный текст писан в четыре и два столбца стихомерным образом и так слитно, как будто одно длинное речение тянется от точки до точки» [10, с. 226].

От настоятеля и насельников о. Порфирий узнает об этой находке и после просьбы осмотреть рукопись приступает к ее изучению. Как оказалось, греки не доверяли Тишендорфу и как представителю западных держав, и как протестанту, а потому фактически в руки нашего литургиста попадает еще не изученный обстоятельно древний литургический памятник. О причинах такого отношения к немцу о. Порфирий писал следующее: «...греческие иноки под разными предлогами не показывали ему (Тишендорфу) драгоценных рукописей, хранимых в тайниках святых обителей их. Эти иноки, давно напуганные фирманами Порты, уполномочивающими европейских путешественников проникать в ризницы и книгохранилища православных монастырей, и обижаемые неблагоприятными отзывами о них в описаниях путешествий, отчасти справедливо уклонялись от просьб Тишендорфа, который не имел и не имеет главной привлекательной силы, т. е. исповедание православной веры» [6, с. 682].

Впоследствии, анализируя текст, архимандрит Порфирий, датировав его V веком, предположил, что он был переписан с Александрийского списка и, возможно, имел отношение к Алек-

сандрийской огласительной школе, так как за богослужением не употреблялся. В настоящее время текст датируется IV веком. Первым так датировал текст Константин Тишендорф, позднее Владыка Порфирий также был готов пересмотреть свою датировку.

Над текстом этой книги наш архимандрит работал долго. Еще в Синайском монастыре он сделал ее описание, а потом продолжил ее изучение уже после возвращения в Иерусалим 17 августа 1850 г. При изучении рукописи древнего памятника литургического употребления о. Порфирий пришел к выводу, что Синайский кодекс не IV века, как утверждал Тишендорф, а более позднего происхождения. Справедливости ради стоит отметить ошибочность суждения нашего ученого, т. к. в результате экспертиз оказалось, что рукопись действительно принадлежит ко времени IV века. Наш литургист на этот список смотрит крайне отрицательно, видя в нем порчу священного текста. «Утомляет меня Синайская библия, — замечает он. — А замечательна она как образец порчи Священного Писания, наипаче Новозаветного» [8, с. 57]. В дальнейшем о. Порфирий будет вести полемическую переписку с Тишендорфом, в которой будет отстаивать свой взгляд как на время написания кодекса, так и на способ получения немцем рукописи (пусть даже и в пользу Российской империи). Таким образом, наш отечественный литургист стал первым, кто детально исследовал и описал древнейший памятник Священного Писания.

С сожалением стоит отметить, что большая часть информации об открытии Синайского кодекса практически ничего не упоминает о трудах архим. Порфирия. Но еще в XIX веке выдающийся русский литургист А. А. Дмитриевский отмечал: «Честь открытия этой рукописи бесспорно принадлежит нашему ученому, покойному Преосвященному Порфирию (Успенскому), который первым обратил внимание монахов Синайской обители на нее, но честь обнаружения и ученого исследования настоящего кодекса предвосхитил К. Тишендорф, стяжавший вместе с тем и ученые лавры. Только незавидное положение русских ученых, их материальная необоснованность... делают то, что наше делается достоянием чужих и мы „из стран далеких“ получаем, как особенную милость, жалкие крупички, в то время когда бы могли

иметь в своих руках целый каравай». Результатом научной деятельности архим. Порфирия стала вышедшая в 1862 году книга «Мнение о Синайской рукописи, содержащей в себе Ветхий Завет не полностью и весь Новый Завет с посланием святого апостола Варнавы и книга Ерма» [3, с. 6].

Дальнейшая судьба Синайского кодекса, можно сказать, характерна для многих литургических ценностей, которые на момент революции находились в России. В 1933 году за 100 000 советским правительством он был продан Англии и выставлен в Британском музее в Лондоне. Всего в мире известны четыре фрагмента рукописи, самый большой из них — 347 из 400 страниц — хранится в Британской библиотеке, остальное — в библиотеке университета в Лейпциге (Германия), Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и в монастыре Святой Екатерины. В 2005 году все четыре владельца листов кодекса договорились о том, что будет осуществлено его высококачественное сканирование с целью размещения полного текста в интернете.

Можно вспомнить ещё одну не менее ценную находку. Как-то, осматривая на Синае монастырские помещения, отец Порфирий увидел в ризнице среди старого хлама несколько досок небольшого размера, на которых едва проступали иконописные изображения. Судя по всему, монахи не слишком ими дорожили, и он выпросил у ризничего эти доски. Научное чутьё в который раз не подвело архимандрита. Старые надтреснутые доски оказались раннехристианскими иконами, написанными в технике энкаустики (восковой живописи), и датировались VI–VII веками. Таких икон в мире единицы. Четыре из них, те, на которых изображены Богоматерь с Младенцем, святые Сергей и Вакх, святой Иоанн Предтеча, святой Платон и неизвестная святая, стали собственностью отца Порфирия, затем он завещал их музею Киевской духовной академии. Ныне они находятся в Киевском музее восточного и западного искусства.

В руки отца Порфирия попадали древние рукописи, хранящиеся в монастырских библиотеках. В отчёте о посещении Афона, который он составил для Синода, говорится о 200 документах, которые представляют большую ценность для истории Святой Горы. Сколь значительны были его находки, показывает хотя бы

вывезенная им с Афона «Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурнографитом (1701–1755)».

Собственно Ерминии (греч. *Ερμηνεία* — разъяснение, истолкование) — особый род руководства по иконописи. Ерминии можно считать иконописными подлинниками, так как значительную их часть составляет справочник по иконографии, однако в них также особое внимание уделяется технологии иконописи и включаются разделы по богословию иконы. Наиболее известна греческая Ерминия Дионисия из Фурны (Дионисия Фурноаграфита) начала XVIII века. В научный оборот греческую Ерминию ввёл французский исследователь Адольф Наполеон Дидрон (фр. *Didron*), обнаруживший рукопись в 1839 году у иконописцев на Афоне. Дидрон издал французский перевод. Годехард Шефер (нем. *Godehard Schäfer*) перевёл наставление с греческой копии на немецкий язык в 1865 году. Открытие рукописи считалось сенсацией, о чём свидетельствует, в частности, поздравительное письмо Виктора Гюго.

Перевод Ерминии на русский язык выполнил в 1868 году епископ Порфирий (Успенский). Это ценнейшее пособие для иконописцев. Перевод на русский язык и публикация в России этой рукописи имели огромное значение. Тогда в нашей стране начинал возрождаться интерес к традиционной канонической иконописи, и благодаря Ерминии отечественные мастера заново открывали иконописные каноны, забытые под воздействием западноевропейских стилей — барокко, классицизма, академизма. До сих пор иконописцы пользуются Ерминией, в которой раскрываются технические секреты иконописного ремесла и смысловое значение образа.

Еще одним выдающимся литургическим исследованием о Порфирия является описанный им в дневнике греческий чин святой Пасхи середины XIX века. Во время своего посещения Метеорских монастырей в Фессалии 1959 г. о. Порфирий прибыл в монастырь святого Стефана, который расположен на горе Кукле. Прибыв в обитель накануне праздника Пасхи и разместившись в келии, после службы Великого Пятка наш литургист обратился к игумену с просьбой отслужить здесь Литургию в Великую Суббо-

ту. Однако настоятель наотрез отказался исполнить эту, казалось бы, естественную для любого священника просьбу, «...сказав сухо, что без поручительного письма вселенского патриарха никому не дозволяется священнодействовать в здешнем ставропигиальном и патриаршем монастыре» [9, с. 447]. После недолгих размышлений на эту тематику, о. Порфирий переходит к описанию приготовлений к празднику праздников. Эти свидетельства выдающегося востоковеда не без свойственных его натуре поэтических и метафорических сравнений являются первыми своего рода научными записями особенностей совершения Пасхального богослужения в греческих монастырях.

В одиннадцать часов начинается благовест, в котором принимают участие не только колокола, но и ток, било и клепало. Если било и клепало известно литургистам, то ток долгое время не был известен отечественной науке. Описание этого предмета о. Порфирий приводит таким образом: «...ток, выделанный из сушеного дерева в виде узкой и длинной доски с круглым перехватом посередине... Послушник, державший его за перехват в ладони левой руки, сначала деревянным молоточком извлек из него три мерные звуки: *так! так! так!* Потом начал постепенно учащать удары, дробя их то слабо, то сильно, и отбивая в такт, а под конец ускорил их с такой быстротой и с таким искусством, что звуки тока походили на разливную трель барабана» [там же, с. 480–481]. По мнению о. Порфирия, этот предмет (т. е. ток) был изобретен для следующего применения — медленные удары служат для призывания народа к службе, а частые удары служат напоминанием быстрой устремленности праведников славословить своего Бога.

После тока начинает звонить било, которое представляет собой сухую недлинную доску, подвешенную на колокольне. В отличие от тока, оно уже большего размера и поэтому не держится в руках, а размещается в определенном месте. Извлечение звука происходит от ударов деревянного молотка по билу. После била зазвонило клепало, «выделанное из железа в виде нетолстой полудуги» [там же, с. 481]. В клепало бьют небольшим молоточком. По окончании этого звана наконец начал звонить колокол. Таким образом, из записей о. архимандрита можно сделать вывод, что в

XIX столетии в греческих монастырях сохранились все известные православному миру способы призыва к богослужению посредством звука: ток, било, клепало и колокол. И хотя наш литургист ничего не говорит о причине именно такой последовательности звукоизвлечения, можно сделать довольно логичный вывод о том, что постепенный переход от сухого дерева к мягкому звуку металла и затем раскатистый звон колокола способствует, с одной стороны, поднятию молитвенного настроения верующих, а с другой — служит напоминанием об окончании «сухих» дней Великого поста и приближении к светлой «раскатистой» радости праздника Святой Пасхи.

Стоит заметить, что в Русской Православной Церкви для призыва к богослужению используется только колокол. Но от этого нисколько не страдает красота богослужения. Наоборот, привыкший столетиями слушать только колокольный звон, наш народ не поймет сухости деревянных токов и бил. Это подтверждает и современная практика изготовления на бедных приходах колоколов не из дерева, а из цветных металлов (баллонов).

После этого в соборе святого Харалампия о. Порфирию дали в руки восковую свечу. Примечательно, что верующие тоже стояли со свечами в руках, но у всех свечи были потушены. Только у нашего паломника свеча была зажжена его помощником, который, видимо, тоже был из России и не знал местных обычаев. Итак, весь храм погружен в темноту, и в этой ночной тишине открываются Царские врата и из алтаря выходят четыре иеромонаха в белом пасхальном облачении и становятся лицом к алтарю. После рядовых священников монастыря выходит игумен (во время посещения о. Порфирием этого монастыря там игуменствовал о. Константин) с зажженной свечой и, став между священниками, громко говорит «δεῦτε λάβετε φῶς!» («придите, примите свет!»). На это священнослужители и все предстоящие в храме отвечают: «ἐκ τοῦ ἀνεσπεροῦ φῶτός!» («от Невечернего Света!»). После этого все зажигают свои свечи от свечи игумена и храм наполняется светом. Удивленный таким неизвестным в Русской Церкви обычаем, о. Порфирий сначала потушил свою свечу, а потом зажег ее вместе со всеми от свечи игумена.

Вслед за возжжением огня в храме священнослужители поют

стихиру 6-го гласа «Воскресение Твое, Христе Спасе» и все исходят из храма на паперть. Примечательно, что в записях о. Порфирия нет никакого упоминания о крестном ходе, который в нашем сознании является неотъемлемой частью пасхальной заутрени. Еще во время стояния на паперти игумен читает Евангелие о Воскресении Спасителя и все священники начинают петь пасхальный тропарь. Несмотря на то, что о. Порфирию не позволили служить, все же игумен позволил ему и всем его спутникам «пропеть эту радостную песнь на родном наречии нашем» [там же, с. 483]. Интересно, что как только зазвучало славянское «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!», то сразу запели птицы на деревьях монастыря. После входа в храм начинается пение пасхального канона «Воскресения день». Однако в отличие от славянской традиции петь канон величайшего праздника на земле особым торжественным распевом, греки поют его просто на глас! Это уничижительное на наш взгляд действие по отношению к такому торжеству о. Порфирий выразил такими словами: «...такое пение греков не соответствует торжественности светлого праздника». Автор данной работы полностью согласен с выводом ученого литургиста — такое отношение к празднику Воскресения Господа для воскрешения всего мира является сведением его к простой будничной службе.

В два часа дня совершается пасхальная вечерня. Игумен встает у престола, священники становятся в храме лицом к алтарю. Отцу Порфирию разрешили (!) стоять в Царских вратах. Стоя таким образом, священники поочередно читали положенное евангельское чтение, как на Пасху, т. е. «в несколько приемов» на греческом языке. Нельзя не упомянуть о том, что «во весь день с утра до вечера монастырские послушники и поклонники (т. е. паломники — авт.) на колокольне беспрерывно стучали *во вся тяжкая*, то есть в ток, било, клепало и колокол, но с таким проворством и с таким искусством, что было любо слушать эту новую музыку» [там же, с. 484]. Ученый литургист не зря употребляет уставное выражение Типикона «во вся тяжкая», т. к. под этим выражением подразумевается ударять «во все тяжелое», т. е. в колокола и т. п. музыкальные инструменты православного христианского богос-

лужения. «Мы, русские, — продолжает просвещенный архимандрит, — не имеем понятия о таком трезвоне, хотя и употребляем выражение *во вся тяжкая*. Это выражение означает не одни колокола, а ток, било, клепало и колокол, все эти тяжеловесные вещи» [там же].

Завершая краткий обзор посещения архимандритом Порфирием Метеорских монастырей, следует отметить его труды по изучению патриарших грамот, данных этим монастырям, среди которых были пять древних грамот патриархов Константинопольского и Иерусалимского. Эти грамоты были тщательно изучены и оценены нашим ученым.

Занимаясь исследованием христианского Востока, архимандрит Порфирий сделал первые шаги в изучении истории и вероучения Древних Восточных Церквей. Среди прочих деноминаций в поле его зрения попадает Абиссинская, т.е. Эфиопская Церковь. Изучая Абиссинскую Церковь, он приходит к выводу, что «абиссины — не еретики. В богослужении и обрядах их видно чистое православие, как в абиссинских озерах видно светлое небо» [11, с. 317]. Можно сказать, что ученый архимандрит стал первым русским, обратившим внимание на нехалкидонских христиан и описавшим их литургическую жизнь. Всё же с ним не до конца можно согласиться, что эфиопы полностью ортодоксальны. Ведь Эфиопская Церковь и по всей день не входит в евхаристическое общение ни с одной Поместной Православной Церковью, и в их вероучении и богослужении присутствуют неправославные элементы (например, обрезание или практика попустительства полигамии). Кроме того, эфиопы относятся к дохалкидонитам, что само по себе никак не может служить гарантом их ортодоксальности.

Однако, несмотря на такое расхождение с Православием, абиссинцы близки к нему, что уже отмечал наш «иерусалимский архимандрит» — так в высших кругах Российской империи называли о. Порфирия. Он занимается изучением не только языка и обычаев эфиопов, но и внимательно просматривает их богослужение. Особым торжеством у них является празднование памяти награнских мучеников и памяти святого царя Халева. В 520 г. аравийский царь Дунаан стал преследовать христиан, убил пра-

вителя Награна (тогдашняя столица Йемена) св. Арефу, изгнал из города епископа св. Григентия и замучил 341 христианина. Все это происходило постепенно на протяжении десяти лет. В 530 г. абиссинский царь св. Халев наказал гонителя, после чего передал правление своему сыну, царский венец отослал в Иерусалим, а сам ушел в монастырь. Эфиопы очень почитают награнских мучеников, воздавая им такое молитвенное возношение:

«Звезды Награна! Перлы, украшающие вселенную!

Величаем красоту вашу велелепную.

Будьте нашими ходатаями и миротворцами. —

Когда грехи наши станет судить Бог,

Тогда покажите ему кровь, которую вы пролили

За Его красоту неизреченную» [там же, с. 316].

Не меньшим почетом пользуется и царь Халев. В своих трудах отец Порфирий приводит выдержку из абиссинской службы, посвященной памяти этого добродетельного христианина: «Блажен Халев, отложивший знак своей власти, и венец свой пославший в дар иерусалимскому храму! Ты не употребил во зло победы своей, когда поразил полчища сабеев!» [там же, с. 317]. Конечно же, эти и приведенные далее на русском языке тексты были лично переведены нашим первым ученым литургистом.

Что касается Литургии абиссинцев, то архимандрит Порфирий изучил ее во всех подробностях, опять же замечая, что «вся эта литургия есть чистое зеркало православия» [там же, с. 321]. Проанализировав чин абиссинской Литургии, он не находит в ней еретического выражения Аполлинария Лаодикийского, которое ошибочно приписывалось ранее (в том числе и нашим ученым архимандритом) святому Афанасию Александрийскому: «...одна природа Бога Слова воплотившегося». Не видя этого в богослужбных книгах эфиопов, о. Порфирий делает вывод о том, что и Литургия была составлена еще до времени жизни святого Афанасия. Так как вопрос о происхождении абиссинской Литургии выходит за пределы данного исследования, то мы не будем комментировать датировку, предлагаемую нашим ученым.

Эфиопская Литургия имеет александрийское (коптское) происхождение, но она подверглась воздействию сирийской традиции, и служат ее на древнем языке геэз. Стоит заметить, что в уже

нынешней практике Эфиопской Церкви в приходах все чаще используют современный амхарский язык. Необходимым условием совершения Литургии служит присутствие на престоле ковчега, или табота (деревянной доски с изображением по углам евангелистов и крестом посередине), который также принято носить обернутым в шелковые платы и во время крестных ходов. Литургию всегда служат не менее трех священников и двух дьяконов. Евангелие читается священником, а не дьяконом; последний читает только Апостол. После возгласа дьякона «молитесь о мире и лобзайте друг друга», (соответствующего нашему «возлюбим друг друга»), в большинстве абиссинских храмов бывает взаимное целование. Все ответы на возгласы священнослужителей произносит весь народ, стоящий в храме.

После освящения Даров, т. е. уже в конце Литургии, перед самым причащением народа священник или епископ читает покаянную молитву, в которой просит Бога простить и мужчин, и женщин, которые готовятся к принятию таинства. Текст этой молитвы наш архимандрит приводит полностью: «Всемогущий Боже, вручу душ и телес наших, иже гласом едиnorodного Сына Твоего, Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекл еси Петру, отцу нашему: ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою (такая орфография издания — авт.), и врата адовы не одолеют ей, и дам ти ключи царствия небесного, и елика аще свяжеша на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешиши на земли, будут разрешена на небеси: убо рабы твои и рабыни да будут разрешены устами святые Троицы, Отца, Сына и Св. Духа, и устами мене грешнаго и и непотребного раба твоего. Господи Боже наш, Ты еси вземляй грехи мира. Прими покаяние рабов твоих и рабынь твоих. Возсияй на них свет жизни, и прости им грехи их, яко благ и милосерд еси, Господи Боже наш, долготерпелив и многомилостив, и воистину праведен. Елика аще согрешихом пред Тобою, Господи, словом, делом, или помышлением нашим, ослаби, остави, прости, яко Ты еси благ и человеколюбец» [там же, с. 323]. Как видно из приводимой о. Порфирием молитвы, священник нередко употребляет в ней библейские слова и выражения, а также славословит всю Троицу.

После прочтения этой молитвы священник причащается сам,

а затем причащает народ. Верующие причащаются под обоими видами отдельно. Перед тем как приступить к причащению, они выслушивают молитву священника, которая читается наподобие православного «верую, Господи, и исповедую»: «Сей есть хлеб жизни, сшедый с небесе, воистину честное тело Эммануила Бога нашего. Аминь. Сия есть чаша жизни, сшедшая с небесе, яже есть честная кровь Христа» [там же]. Далее о. Порфирий замечает, что к Святым Тайнам не допускаются те, кто женился более трех раз и «распутные». Дело в том, что таинство Брака у эфиопов обязательно почти только для духовенства и царей, миряне же в большинстве случаев живут в гражданских браках, переходящих иногда в полигамию. Церковь борется против этого отлучением от причастия, вследствие чего к таинству Евхаристии приступают почти только старики и дети. Однако если женившиеся в третий раз или распутники «принимают монашеский постриг; тогда святыи Тайны им преподаются» [там же].

Стоит заметить, что приводимые о. Порфирием переводные тексты слишком архаичны по стилю изложения. Складывается впечатление, что он специально старался придать богослужебным текстам абиссинцев такую форму, к которой привыкли его русскоязычные читатели, а именно методику построения фраз и словосочетаний. Также он переводит тексты эфиопской Литургии на церковнославянский, а не на разговорный русский язык. Это касается тех мест, которые имеют аналоги в нашем богослужении. Также, где нет похожести с православным богослужением, он переводит на разговорный русский язык середины XIX века. Автору данного исследования такой подход к переводу кажется ненаучным, т. к. он лишен научной последовательности: или все переводить на церковнославянский, или заниматься переводом на разговорный русский язык. К сожалению, мы не располагаем возможностью проверить действительность такой архаичности у эфиопов, поэтому доверяем нашему исследователю.

Прочие таинства и обряды у абиссинцев о. Порфирий описывает менее пространно, чем особенности причащения. Исповедь у абиссинцев обязательна не столько в принципе невольной необходимости, сколько в осознании жизненной необходимости в этом таинстве. «Исповедь у духовника каждый верующий абис-

синец почитает спасительной обязанностью своею. Духовники налагают на грешников разные епитимии, и преимущественно долгие посты» [там же, с. 322]. Перед совершением Крещения священник освящает воду. В обязательном порядке перед совершением таинства или иногда после него совершается обрезание. Примечательно, что в сноске о. Порфирий приводит одновременно удивительные и вместе с тем не совсем понятные слова: «...младенцы **обоего** (выделено мной — авт.) пола обрезаются по необходимости, о которой спросите врачей» [там же]. Дело в том, что защитники этого однозначно иудейского обряда говорят о медицинской необходимости обрезания в жаркой африканской стране, где живут эфиопы. Видимо, к таким защитникам принадлежал и наш ученый архимандрит. Однако, оставив в стороне полемику по поводу необходимости обрезания, остается недоуменным упоминание об обрезании девочек. Видимо, это также смущало и о. Порфирия, т. к. он даже не помещает это сообщение в основной текст, а относит его к подстрочной сноске.

После освящения воды священник крестит ребенка, троекратно погружая его в воду с произнесением эфиопской формулы этого таинства: «Крещается раб Божий, имя рек, во имя Отца и Сына и Св. Духа» [там же]. После этого ребенка принимает воспитатель, и священник надевает на новокрещенного младенца крест на шелковой ленточке, обязательно голубого цвета. И хотя о. Порфирий не объясняет, почему используется лента именно голубого цвета, можно предположить, что этот цвет употребляется в знак сочетания крещеного с небом, которое голубого цвета. Вообще стоит заметить, что на Востоке с особой любовью относятся к голубому цвету — достаточно вспомнить, что был любимый цвет Божией Матери. После возложения креста священник помазывает ребенка святым миром, после чего причащает его Святым Тайнам.

Отметим, что, возможно, брак у абиссинцев не является обязательным для всех христиан. Официально венчаются только кандидаты во священство. Остальные верные просто живут гражданским браком, что нередко приводит к распространению многоженства. О. Порфирий оправдывает абиссинцев перед православным миром, замечая, что «трудно верить такому наруше-

нию вселенского правила, не издавши церковного благочиния в Абиссинии» [там же, с. 323–324]. О брачном праве священников будет сказано ниже. Таинство Елеосвящения (соборования) эфиопские священники совершают обязательно всемером, сохраняя, таким образом, желательное седемичное число помазующих. Погребение также имеет свои особенности: «...когда кто умрет, тогда священники собираются в доме покойного, и оттуда выносят его в церковь, отпевают и погребают тут же в ограде ее, а благочестивых — под полом церковным. По окончании похоронного обряда они отправляются в дом покойного и обедают вместе с прочими. В этом случае богатые люди, обыкновенно, колют много быков, и бедным раздают щедрую милостыню» [там же, с. 325].

Таинство Священства совершается епископом. Во времена архимандрита Порфирия Эфиопская Церковь была самоуправляемой частью Коптской Церкви и имела только одного архиерея, который присылался от Коптского Патриарха и управлял Абиссинской Церковью в сане митрополита. Наш ученый литургист на страницах своих заметок приводит интересные данные по истории формирования принципа поставления абуны (митрополита). С прискорбием он отмечает тот вред, который наносят абуны: будучи по происхождению не эфиопами, а коптами, они с охлаждением управляют своей паствой. Не обошлось и без кощунства в литургической практике одного из абун. Иерусалимский архимандрит с болью описывает, как один абуна Керулос (Кирилл), живший во второй четверти XIX в., во время хиротонии священников кощунственно говорил на арабском языке, который был непонятен всем предстоящим: «Аллах иналак энте у жинсак кельб ибн ель-кельб, энте кассис», что обозначало: «Бог проклинает тебя и племя твое, собака, собачий сын, — ты иерей». Страшно представить себе такую картину, когда ничего не подозревающий копт слышал проклятие на незнакомом языке, считая его не проклятием, а благословением архиерея.

Отец Порфирий очень много места уделяет описанию жизни священников и диаконов. Очень подробно он характеризует подготовительный период диаконов перед принятием священства. Диаконы в повседневной жизни носят милоти из дубленой жел-

той кожи, которая застегивается на шею двумя застегками. При этом они ходят без обуви. Как только ставленник во священство научится читать по церковным книгам, то «в доказательство своей набожности, непременно должен предпринять путешествие к гробу царя Лалибелы, в священный город Аксум и в знаменитые монастыри — Девра-Ливан, Сене-Марко и в другие. В Иерусалим ко гробу Господню ходят редкие из них по причине бедности» [там же, с. 328]. Во время этих путешествий происходят невероятные для православного христианина вещи. Дьяконы собираются в небольшие группки и начинают всячески зарабатывать на жизнь. Они просят милостыню именем святых возле каждого дома. При этом они, как правило, добиваются своего, т. к. заклинают именем святого, в честь которого назван человек. А т. к. эфиопы боятся прогневить своего покровителя, то дьяконы этим искусно пользуются. Жители угощают их злаками, которые они едят с большой экономией. Зато если дьякон попадает на похороны, то ест очень много. «Эти странники чуют трупы, как вороны... Странствующие диаконы знают все уловки нищих. Они умышленно пылят свои милоти и притворяются усталыми и изнеможденными, дабы возбудить сострадание, особенно в женщинах, продают щепки дерев, разбитых молнией, уверяя всех и каждого, что они предохраняют и исцеляют от всех болезней, раздают зубы гиены, или куски ее шкуры, как защитительные средства против чар и колдовства, отлучают от церкви воров, и продают любовные напитки тем женщинам, которым хочется приворожить к себе удалых молодцов» [там же, с. 329] — такую характеристику о. архимандрит дает тем, кто, по выражению Игнатия Богоносца, должен быть служителем при Святых Тайнах.

Далее ученый литургист замечает, что далеко не все из дьяконов умеют читать. Кое-кто просто выучивает наизусть некоторые отрывки из Священного Писания и других молитв. Когда абунa принимает экзамен, то такой дьякон открывает Евангелие и, смотря в него, наизусть читает зазубренный текст. Таким образом он создает впечатление, как будто читает по книге. Казалось бы, абунa должен заметить обман, но, как отмечает о. Порфирий, «абиссинский владыка, как и многие предшественники его, пользуется небольшими поборами с желающих получить священство.

Это симония. Но трудно осуждать ее... Не строгий и утолненный деньгами епископ рукополагает их за неимением ставленников достойнейших» [там же, с. 328–329].

После хиротонии священники отращивают бороду и бреют голову. Отныне они ходят в рясе и в сандалиях и на голове носят большой тюрбан. В руках они носят небольшое опахало из страусовых перьев, зонтик, которым прикрываются от жары, и небольшой железный крест. Когда священник идет по улице, то все абиссинские христиане, которые встречаются ему на пути, с благоговением целуют крест, который у него в руках. Пожилые священники в небогослужебное время ходят с посохами, наверху которых делается крест. Заработную плату абиссинские священники получают от церковных старост. Как отмечает о. Порфирий, «домовые священники вельмож — счастливее всех прочих собратий своих» [там же, с. 330]. Вообще священники пользуются у абиссинцев большим почетом и уважением — на улицах им кланяются все прохожие, а в собраниях им все целуют руки. Примечательно, что ни во время богослужения, ни за пределами храма они никогда не говорят проповедей. И хотя о. Порфирий никак не комментирует такое положение вещей, видимо, это объясняется низким уровнем образования духовенства. В подтверждение такой теории достаточно вспомнить печальное состояние церковной проповеди во время Средневековья в Русской Церкви.

Рядовые евангельские чтения у эфиопов не имеют такого сложного порядка, как в Православной Церкви. Вместо ежедневного распределения чтений, согласований различных отступок и преступок, абиссинские священники читают каждое Евангелие по три месяца, т. е. три месяца читается Матфей, следующие три — Марк и так далее. «Когда священника спрашивают о времени какого-нибудь прошедшего события или дела; тогда он, сказав год, обыкновенно прибавляет, — „это было во время Евангелия св. Матфея, или св. Марка“, т. е. в те месяцы, когда читалось то, или другое, Евангелие» [там же, с. 331]. Вообще, что касается богослужения, то наш литургист замечает, что «абиссинские священники и архиерей правильно совершают все семь таинств» [там же, с. 322].

Брачное право священников похоже на православное. Все священники женаты. Если кто-либо становится вдовцом, то он уже не имеет права жениться. Отныне этот священник носит желтую скуфью в ознаменование обета безбрачия. В случае нарушения данного правила, т. е. если священник женится второй раз, он извергается из сана. Таким образом, у абиссинцев нет римокатолического понятия о «вечности» принятого священства. Наш литургист отмечает, что если вдовый священник женится, то паства не смотрит на это с осуждением.

Ранее уже упоминалось о суеверности эфиопов в связи с описанием деятельности путешествующих дьяконов. Однако подобным занимаются не только дьяконы, но и священники. Скучный доход толкает их к принятию непонятных для православного архимандрита вещей: «Так как подаяния прихожан весьма незначительны; то священники дополняют их прибытками от продажи так называемых талисманов. Они пишут старинными эфиопскими буквами стихи из Евангелия, рисуют на них образа святых и Богоматери, и продают их своим прихожанам, веря в чудотворную силу этих пергаминов. Абиссины, купив эти талисманы, свертывают их трубочками и кладут в сафьянные влагалища (т. е. мешочки — авт.) красного цвета. Когда у кого наберется несколько таких трубочек; из них составляется ожерелье, которое иногда весит несколько фунтов (т. е. до килограмма — авт.). Талисманы имеют не одни мужчины и не одни женщины и дети: их носят лошади, ослы, мулы, овцы и бараны» [там же, с. 330].

Церковный новый год начинается в Абиссинской Церкви 29 августа «после вечерни». Примечательно, что юлианский календарь был привнесен в Эфиопию из Александрии. Отец Порфирий перечисляет имена святых, которых особо чтят верные: архангел Михаил, великомученик Георгий Победоносец (его именем нищие просят милостыню), царица Савская Македа, Иоанн Креститель, праведный Лазарь Четверодневный, Марфа и Мария, Мария Магдалина, Александрийские архиепископы Петр, Афанасий Великий и Кирилл, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, Кирилл Иерусалимский, авва Фрументий, авва Гарим, авва Амбасса, мученик Вула, диакониса Дионисия, эфиопский живописец Лука, церковный певец Михаил, прорицательница

Савела, святые цари и царицы Эфиопии Халев, Лалибела, Абрега, Гебра-Маскал, Елена и др. Посты у абиссинцев почти такие же, как и у православных: Великий, Рождественский и Успенский. Об Апостольском посте Порфирий Успенский ничего не говорит, хотя замечает, что «во все постные дни, включительно по средам и пятницам, им воспрещено есть мясо, яйца, сыр, молоко, но разрешена рыба в дни субботние и воскресные. В эти дни, когда бывает пост, они садятся за стол в восемь часов утра, а в прочие — в три часа пополудни» [там же, с. 324].

Монашество у эфиопов представлено как мужчинами, так и женщинами. Наш исследователь отмечает, что «в старые годы в Абиссинии было очень много монастырей мужских и женских. Но в наше время (т. е. в середине XIX в. — авт.) число их непрерывно уменьшается. Причины тому неизвестны мне» [там же, с. 332]. После перечисления самых главных монастырей о. Порфирий указывает, что и монахи, и монахини бреют свои головы и сверху надевают желтые скуфьи. Ранее нами уже упоминались желтые скуфьи у вдового духовенства. Таким образом, желтые скуфьи являются символом безбрачной посвященности того, кто ее носит. Монастыри не имеют общежительного устава, а монашествующие «селятся вокруг монастырской церкви, каждый в своей хижине, и обрабатывают маленькие участки земли. Ленивые из них достают себе насущный хлеб попрошайством в деревнях. Все они не едят мяса. А те, которые удаляются в пустые и нездоровые места, питаются одними овощами и кореньями разных трав. Некоторые из этих пустынников носят вериги, а иные живут в гробницах, кои сами же иссекают в скалах» [там же, с. 332]. Если абуна управляет духовенством, то монахи подчиняются Етшегуе — главному игумену, который живет в г. Гондаре. Порфирий Успенский также пишет о том, что многие из эфиопских военных после окончания срока службы становятся монахами, «...но во время войны следуют за полками и благословляют их на битвы и после побед. Полки, получив благословение их, сражаются храбро, и особенно тогда, когда служивые в кукулях становятся в ряды их и бьются с неприятелем. И там есть свои Пересветы и Осляби!» [там же, с. 332–333].

В связи с тем, что Абиссиния во времена посещения ее о. Порфи-

рием являлась монархической христианской державой, наш ученый литургист описывает и обряд венчания на царство тамошних владетелей. «Царская власть в Абиссинии — наследственна, но не по праву первородства» [там же, с. 19]. После смерти царя все самые влиятельные чиновники собираются на совет для избрания нового монарха. После принятия решения они с войском приходят к кандидату и после того, как в ухо вденут ему золотое кольцо, вместе с ним едут в город Аксум для совершения церемонии венчания. Архимандрит Порфирий отмечает, что еще в X веке этот обряд совершался с большой торжественностью. «В назначенный день царь на белом, богато убранном коне отправлялся в аксумскую церковь, сопровождаемый первосвященником — хранителем книги закона, умбарами или верховными судьями, епископом, главным игуменом и почетным духовенством, расами, царедворцами и прочими чинами. Полки ожидали его у церкви. Народ толпился на всех местах. Везде раздавались радостные крики под звук самой дикой и оглушительной музыки. У церкви стоял трон, а недалеко от трона девицы из первых семейств в государстве шелковым шнуром преграждали ход царю. Он саблею рассекал этот шнурок с одного размаха, и потом слезал с лошади, и был помазуюем священным елеем, а после помазания и возложения царского венца на голову его, восходил на трон и, посидев на нем поболее минуты, вступал в церковь для слушания божественной литургии; по кончании же ее выходил к народу, который весь падал пред ним лицом на землю. Этим почтением народа заключался весь обряд сей. Торжество продолжалось пятнадцать дней... Но с той поры, когда абиссинские цари, ослабев, перешли из Аксума в Тегулет, многие из них помазаны были на царство в их дворцах, без всякой торжественности, одним придворным духовенством» [там же, с. 20–21]. Как видно из этого описания, в обряде венчания эфиопских царей прослеживается общее для всех христианских правителей помазание святым миром и обязательное моление на Божественной литургии.

В связи с современными недоумениями по поводу происхождения Благодатного Огня, который сходит в Великую Субботу на Гробе Господнем, а также нередкими ссылками на Порфирия Успенского сторонников разных взглядов на этот вопрос, уместно

будет привести в подлиннике слова самого ученого литургиста, так как это имеет непосредственное отношение к его литургическим заметкам и исследованиям. «В тот год, когда знаменитый господин Сирии и Палестины Ибрагим, паша египетский, находился в Иерусалиме, оказалось, что огонь, получаемый с Гроба Господня в великую субботу, есть огонь не благодатный, а зажигаемый, как зажигается огонь всякий. Этому паше вздумалось удостовериться, действительно ли внезапно и чудесно является огонь на крышке Гроба Христова или зажигается серною спичкою.

Что же он сделал? Объявил наместникам патриарха, что ему угодно сидеть в самой кувуклии во время получения огня и зорко смотреть, как он является, и присовокупил, что в случае правды будут даны им 5000 пунгов (2500000 пиастров), а в случае лжи, пусть они отдадут ему все деньги, собранные с обманываемых поклонников, и что он напечатает во всех газетах Европы о мерзком подлоге.

Наместники петроаравийский Мисаил, и назаретский митрополит Даниил, и филладельфийский епископ Дионисий (нынешний Вифлеемский) сошлись посоветоваться, что делать. В минуты совещаний Мисаил признался, что он в кувуклии зажигает огонь от лампы, сокрытой за движущейся мраморной иконой Воскресения Христова, что у самого Гроба Господня. После этого признания решено было смиренно просить Ибрагима, чтобы он не вмешивался в религиозные дела, и послан был к нему драгоман Святогробской обители, который и поставил ему на вид, что для его светлости нет никакой пользы открывать тайны христианского богослужения, и что русский император Николай будет весьма недоволен обнаружением сих тайн.

Ибрагим паша, выслушав это, махнул рукою и замолчал. Но с этой поры святогробское духовенство уже не верит в чудесное явление огня.

Рассказавши все это, митрополит домолвил, что от одного Бога ожидается прекращение (нашей) благочестивой лжи. Как он ведет и может, так и успокоит народы, верующие теперь в огненное чудо великой субботы. А нам и начать нельзя сего переворота в умах, нас растерзают у самой часовни Св. Гроба.

Мы, — продолжал он, уведомили патриарха Афанасия, жившего тогда в Царьграде, о домогательстве Ибрагима паши, но в своем послании к нему написали вместо „святой свет“ — „освященный огонь“. Удивленный этой переменою, блаженнейший старец спросил нас: „почему вы иначе стали называть святой огонь?“ Мы открыли ему сущую правду, но прибавили, что огонь, зажигаемый на Гробе Господнем от скрытой лампы, все-таки есть огонь священный, получаемый с места священного» [8, с. 299–301].

Несмотря на такое сообщение ученого богослова, нельзя забывать о том, что даже если этот огонь и берется из лампы (а не сходит с неба), то для верующего сердца это ни в коем случае не является камнем преткновения или источником соблазна. Ведь всем известно, что этот Огонь зажигается не только у Патриарха, но и может мгновенно вспыхнуть в любой точке храма (в основном мерцание начинается в его верхней части); он зажигается и у других верующих. Но самое главное, что даже этот, зажженный от лампы огонь, первые несколько минут не жжет, а только дает тепло. В этом и заключается чудо Благодатного Огня, т. к. Бог не оставляет Своих обещаний (Мф. 28:20).

Среди множества других литургических изысканий епископа Порфирия стоит отметить его труды по изучению древних священных гимнов. Изучив старинные рукописи, он скрупулезно собрал имеющиеся в его распоряжении сведения об авторах песнопений, помещенных в Октоихе, Минеях, Триодях Постной и Цветной. Успенский приводит краткое описание как самих стихотворных гимнов на греческом и на русском языках, так и сведения об авторах этих песнопений. Его сочинение «Стихиарные пииты», опубликованное в «Трудах КДА», представляет собой ценнейшее пособие по изучению формирования и развития богослужебного пения.

Свое решение заняться изучением вопроса о сочинителях церковной музыки в период Древней Церкви и дальнейшее развитие этого явления на греческом Православном Востоке епископ Порфирий достаточно подробно излагает таким образом: «...в стихиариях Эсфинменском и в обоих Ватопедских, в ирмологиях и минеях, какие я рассматривал в восточных монастырях, над

словами стихир, ирмосов, кондаков надписаны греческие ноты. Заметив это, я решился узнать имена сочинителей церковной музыки греческой и составить перечень их в хронологическом порядке, по указаниям певческих рукописей, синайских, сионских и афонских. Решимость благая! Но весьма трудно выполнить ее, потому что оные рукописи с годами и с именами и с именами композиторов начинаются только с 13-го века. А без годосчислительных рукописей и помышлять нельзя об основательном и хронологическом изложении предмета, о котором начате новая речь моя. Это самое выразил и преосвященный Филарет черниговский в своем сочинении о песнопевцах греческой церкви... Он, по указаниям иностранных писателей Барровета, Герберта, Лямбеция, Алляция и Монфокона упомянул лишь о немногих песнотворцах греческих, но время их показал неточно, сбивчиво. Я же, как независимый от иностранных писателей, буду точнее его (поразительная скромность! — авт.), однако наперед заявляю, что в настоящее время, когда еще не все нотные рукописи на востоке, и особенно в лавре афонской, рассмотрены мною, нет никакой возможности годосчислительно разместить всех песнотворцев греческих. Посему будем довольны и теми сведениями о них, какие излагаются здесь в порядке времен, одни точно, а другие приблизительно» [12, с. 502–503].

Свой обзор епископ Порфирий начинает с VII века. В это время одним из виднейших гимнотворцев был святитель Софроний, Патриарх древнего и славного Иерусалима — последний Патриарх свободного от иностранных завоевателей Иерусалима. Известны его стихиры на праздники Рождества Христова, Богоявления, а также стихиры Страстной седмицы. Стоит отметить, что Софроний был не только талантливым поэтом, но и прекрасным композитором, т. к. свои стихиры он сразу перекладывал на музыку. Так что его стихиры сразу получали повсеместное распространение благодаря логической завершенности — они имели полностью сформированный текст и музыку, а потому не надо было ничего в них добавлять, а достаточно было просто воспользоваться ими. Епископ Порфирий «его ноты... видел в Ватопедской рукописи под названием, Паладикѣ, 1575 года. Тут поименованы 25 песнотворцев древних и новых, и прописаны

музыкальные творения их: последний из них 26-й показан оный Софроний» [там же, с. 503].

В VIII столетии виднейшим гимнотворцем является преподобный Иоанн Дамаскин. Его догматическая, богословская, подвижническая, вероохранительная деятельность не может не вызывать чувства преклонения перед этим великим человеком. Известны его труды по систематизации богослужебных текстов, результатом которых явился и доныне употребляемый Церковью Октоих. Архимандрит Порфирий собственными глазами видел древние музыкальные памятники, в которых были песнопения, надписанные именем преподобного. В Синайском монастыре святой Екатерины он обнаружил кекрагарии (сихиры на «Господи воззвах») всех восьми гласов и две «Херувимских», одна из которых почему-то называется «палатная». В Ватопедском монастыре о. Порфирий обнаружил также «Херувимскую» сочинения святого, которая помещалась в рукописи 1674 г. Интересны две изученные им Синаеджуванийские рукописи. Первая датируется 1309 г. и содержит в себе ирмолог с нотами преподобного Иоанна. «Этот нотный ирмолог на пергамене in 16° переписан Ириною, дочерью Феодора Агиопетрита с собственноручной рукописи Иоанна Кукузеля Пападупола» [там же, с. 504]. Вторая рукопись более позднего происхождения — 1689 г., однако в этом нотном обиходе содержится музыка преподобного Иоанна к «Ныне силы небесные».

С 886 по 911 гг. византийский император Лев Мудрый сочинял стихиры к некоторым праздникам, часть из которых также полагал на музыку. Архимандрит Порфирий обнаружил его стихиры в Ватопедской рукописи 1575 г. Также наш востоковед приводит небезынтересный факт, что «во дни сего царя жил Ктенас, старец даровитый и domestic (т. е. главный певец) какой-то новой церкви. Он, по свидетельству царя Константина багрянородного, был так искусен в пении, как никто другой в то время. (Однако мелодий его я не видал ни в одной рукописи)» [там же]. На это можно сказать, что, т. к. сам ученый архимандрит не указывает, что Ктенас был композитором, а говорит о нем только как о певце, то он вовсе и не обязательно сочинял церковную музыку, а был лишь domesticом, хотя и невероятно талантливым. Как бы

в противовес Ктенасу, о. Порфирий далее говорит о домашнике Евфимии Касни, жившем при Константинопольском Патриархе Феофилакте (933–956): «...он и певчие его научились сатанинским оргиям (sic! — авт.), нечестивым воплям, песням земным» [там же].

В первой половине XI столетия настоятель калабрийского Кристо-Ферратского монастыря, который в то время находился в культурной сфере греков и в юрисдикционном отношении входил в состав Константинопольского Патриархата, Варфоломей «много потрудился над составлением мелодий в честь пренепорочной матери Бога слова¹ и святых» [там же]. Скончался ученый монах около 1040 г. Его стихиры о. Порфирий лично видел в нотах на 1 сентября в каирском синаеджуванийского подворья, которые там названы «стихарь на весь год». Рукопись эта относится ко времени императора Иоанна Палеолога, то есть к четырнадцатому столетию.

Среди прочих музыкантов XI века наш востоковед указывает находящиеся в афоно-пантократорской рукописи монаха Давида Редестина, домашнего царской обители Пантократора, датированной 1433 г. Здесь он указывает, что одно песнопение надписано именем «Патриарха Иоанна». Не довольствуясь этим скудным сообщением рукописи, ученый архимандрит проводит небольшое исследование этого вопроса: «...всех патриархов с именем Иоанн в Константинополе до 1433 года было 14. Который же из них писал мелодии? Вероятно, Иоанн VIII Ксифилин, святительствовавший с 1064 года по 1075, муж мудрый и многих церковных установлений отец» [там же, с. 505].

В этой же рукописи русский монах обнаружил указание на 56 различных церковных композиторов, среди которых он встретил имя Христофора Мистака. Однако в рукописи не было сказано ни слова о том, когда жил этот человек и кем он являлся. О. Порфирий довольно смело отождествил его с милетинским анфипатом (проконсулом) Христофором, жившем в XII веке: «...он писал анакреотические песни духовного содержания. В имеющемся у меня греческом „часослове великом“, напечатанном в Венеции в

---

¹ Так в тексте оригинала.

1860 году, помещен его месяцеслов в стихах. Итак, сему церковному пииту можно усвоить и те нотные пения, кои видел я в упомянутом стихираре 1433 года, и в певческих учебниках Синайской обители» [там же].

Говоря о «пиитах» XIII века, о. Порфирий в первую очередь упоминает святого благоверного греческого императора Иоанна Ватаци (1222–1255). Его музыку он обнаружил в упоминаемой уже рукописи 1433 г. Немногим позже наш архимандрит изучил еще одну рукопись Ватопедского монастыря на Афоне, которую он назвал «афоно-ватопедским яхонтом». Здесь особое внимание для него представила одна стихира, которая была надписана: «Эта стихира есть творение господина Димитрия иеродиакона и великого эконома митрополии Солунской, которому прозвание Веаскос, а мелодия ее сочинена мною, Даниилом грешным таха, монахом Ахради». Умиленный стихирой, Порфирий вычисляет дату рождения Даниила и определяет ее как 1259 год.

Особое внимание наш литургист уделяет доказательствам того, что знаменитых Иоанна Кукузеля и Ксена Корони учил Иоанн Гликис. Для этого он приводит художественные картины, на которых Гликис возвышается над Кукузелем и Корони и обучает их церковному пению. Подводя итог своим размышлениям на эту тему, он решительно утверждает, что «так как мелодии Иоанна Кукузеля найдены мною в рукописи 1309 года... то и приходится заявить положительно, что учитель его Гликис пел и сочинял свои песнопения во второй половине 13 века» [там же, с. 508]. Что касается Иоанна Кукузеля, то ему, а точнее названиям его сочинений, о. Порфирий уделяет несравненно больше места, чем другим остальным. Практически это все известные христианские православные гимны — ничего не обошел стороной музыкальный гений Греции. То же относится и к соученику Кукузеля Ксеносу Корони: наш литургист также и здесь приводит объемные выписки, из каких рукописей он брал сведения о его сочинениях. Среди других песнотворцев XIV века Успенский приводит данные о Феодуле монахе, Григории Кукузеле, Иосафате Кукузеле младшем («видно, что семейство Кукузелей все было певучее» [там же, с. 515]) и Иоанне Клада Лампадарии.

Пятнадцатое столетие ознаменовалось музыкальными произ-

ведениями иеромонаха Григория Аллиата и двух Марков: святителя Марка Ефесского, автора «Παλαδική» и Марка — митрополита древнего Коринфа. Музыку последнего наш литургист лично видел в ватопедской рукописи 1575 г., в синаеджуванийской рукописи 1689 г. и в синаемонастырской «безгодовой», в которой находится его стихира преподобному Симеону Столпнику. В XVI веке новую музыку сочиняли игумен Лавры св. Афанасия Анфим и будущий Патриарх Константинопольский Феофан Карики. Основное их направление было сочинение мелодий для «Херувимской». В XVII столетии митрополит Никеи Нафанаил сочинил новую мелодию для причастна, правда, к сожалению, о. Порфирий не указывает, какого именно. Также известны причастны и другие песни Ипатия и Хрисафия, Мануила Лампадария, монаха Герасима, Баласия священника, Номифилака Солунского, неопатрийского епископа Германа, Козмы Иверита, ватопедского иеромонаха Дамиана, иеромонаха Храли (сочинившего в 1689 г. многолетие российскому царю Петру) и Петра Берекета, относящихся к этому же времени.

Интересно, что, как убежденный монархист, о. Порфирий приводит в своем исследовании полностью многолетие Храли, мелодию к которому отредактировал Берекет: «Придите Христоноснии людие, воспоим согласно. Отче вышний, Царю безначальный, Вседержителю, едиnorodное сияние божества, Сыне Божий и Слове, животворящий Утешителю, Душе истины, Троице нераздельная, Едино Божество, покры, сохрани и спаси от напастей царя богомудраго и великого самодержца всея России Петра присно августейшего (sic! — авт.), провозвестника благочестия, сына августа Алексия, победителя, Победоносца и царей славу, даруй Ему² победу над врагами, и царствия небесного сподоби молитвами Пречистыя и всех святых» [там же, с. 521]. Стоит ли говорить о том, что этот гимн Петр вовсе не оправдал... Не менее интересно последнее замечание отца литургиста, относящееся к

---

² Примечательно, что слово «божество» написано со строчной буквы, а местоимение «Ему», относящееся к Петру, с прописной. Чья это ошибка: автора гимна, Порфирия Успенского или наборщиков «Трудов», к сожалению, не удастся выяснить, однако налицо явное грубейшее нарушение общепринятой православной нормы написания слов, относящихся к Богу и к людям.

этому многолетию: «...продолжительный финал сего многолетия, воспеваемый звуками, то — то — то — ре — ри — ре — те — ре — ре — , ри — то — рем — те — ре — рем — должен быть весьма торжественен, как финал надежд восточных христиан на православного царя русского» [там же].

Заканчивает свое исследование о. Порфирий XVIII веком. В это время особо известны песнопения Патриарха Афанасия V, протопсалта Даниила, Петра Лампалария и Григория Лампадария. Заканчивая свое исследование, наш литургист пишет: «...большого труда стоило мне приобретение верных сведений как о стихирарных пиитах и их поэзии, так и о песнотворцах. Я трудился как рудокоп, ищущий дорогих камней... Слава Богу! Теперь и петь умеем мы по-гречески, и хорошо пойдем: какое *изрядное осмогласие*, и какое *трисоставное сладкогласование* и *самое красное демественное пение* принесено было в Киев при великом князе Ярославе Владимировиче в 1051 году. *Изрядное осьмогласие*, это — пение всего, что поется в церкви, на восемь гласов; *трисоставное сладкогласование*, это — сочинение мелодий, соответствующих трем составам, или способностям нашей души, уму, сердечному чувству и воле; *демественное пение*, это — пение доместика, т. е. главного певца, обладающего самым лучшим голосом, пение с многочисленным хором, голосащим одну ключевую ноту. Замечательно, что я, спустя 814 лет после 1051 года, возобновил в Киеве то пение, которое при Ярославе введено было греческими певцами, пришедшими туда из Константинополя» [там же, с. 529–530] — со всей присущей ему «скромностью» и желанием постоянных похвал заканчивает епископ Порфирий.

Немалый интерес представляет и вопрос о тропаре третьего часа, а точнее, его чтение на Литургии во время евхаристического канона. Дело в том, что именно с именем архимандрита Порфирия связано первое знакомство русской богословской науки с тем явлением, что этот тропарь совершенно отсутствует в греческих служебниках, как современных нашему востоковеду, так и современных нам. Проследим вкратце суть проблематики.

Расхождения между русской и греческой редакциями литургий святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста существуют давно и, как ни парадоксально, самые значительные из них

находятся в центральной части обеих литургий — анафоре, то есть основной евхаристической молитве, во время которой, по учению Церкви, предлагаемые на престоле Дары пресуществляются в Тело и Кровь Господни. Прежде чем говорить об этих расхождениях, следует уяснить себе, что представляет собой анафора. Согласно историко-литургическим исследованиям наших ученых-литургистов и в частности профессора Петербургской духовной академии И. А. Карабинова [4, с. 34] и профессора Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенского [13, с. 40], образованная и выкристаллизованная святыми отцами из отдельных доксологий и молений единая молитва — анафора содержит элементы, которые в литургической науке стали известны под названиями: *praefatio* (введение — изначальный элемент анафоры, ее основа). Это — благодарение Богу, в котором раскрывается глубина чувств преданной Богу души); *anamnesis* (воспоминание установления Господом таинства Евхаристии с произношением установительных слов Его: «Примите, ядите...», «Пиите от нея вси...», «Сие творите в Мое воспоминание»); *epiklesis* (призывание на предложенные Дары наития Святого Духа) и *intercessio* (последняя часть анафоры, это моление о всех святых, за Церковь Святую, Соборную и Апостольскую, за всех христиан живых и усопших в надежде воскресения и жизни вечной).

Переходя к рассмотрению расхождений, прежде всего обратим внимание на самое главное из них, которое особенно заметно при совместном служении православных русских и греческих священнослужителей. Речь идет о тропаре третьего часа «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа...» (со стихами «Сердце чисто созижди...» и «Не отвержи мене от лица Твоего...»), не принадлежащем творчеству святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста. В современных греческих литургиях этого тропаря нет, а в наших он есть, причем тропарь вставлен в центральное место анафор, где он совершенно неуместен. Все священнослужители знают, что тропарь третьего часа — это позднейшая вставка в литургиях, но не все отчетливо себе представляют, какой диссонанс он вносит в центральную часть евхаристического канона. На своем месте, в службе часов, тропарь третьего часа — замечательная молитва, прекрасное священное песнопение, но по чьему-то не-

доразумению вставленный в готовые, отработанные, богословски осмысленные святыми отцами евхаристические молитвы, он вносит в них досадный разлад. Он явно нарушает слаженное литературное построение предложений и логическое течение слов и мыслей в анафорах, искажает богословствование святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Но если в анафоре св. Иоанна Златоуста тропарь третьего часа внешне как-то вписывается в последование слов евхаристической молитвы, то в текст анафоры св. Василия Великого тропарь вносит грубый разлад. Что касается слов «Преложив Духом Твоим Святым», то они взяты из анафоры св. Иоанна Златоуста и неизвестно кем вставлены в анафору св. Василия Великого, в результате чего тоже получается синтаксическая несогласованность вставки с контекстом молитвы св. Василия Великого. На Востоке против этой вставки поднял свой голос ученый афонский монах святой Никодим Святогорец. В России против этой вставки свой голос поднял профессор В. В. Болотов, который в отзыве на Коптский служебник назвал ее «тупоумной» и «клеветой на Василия Великого и его афонское образование», так как она «не гармонирует с контекстом» [1, с. 288].

Есть все основания полагать, что так же совершал Литургию и епископ Порфирий (Успенский), известный наш ученый-востоковед, до своего путешествия на Восток. Послушаем, что говорит преосвященный Порфирий по этому поводу в описании одного из своих путешествий в Афонские монастыри и скиты [7, с. 465]. «Не могу не высказать того, что меня особенно занимало и занимает по части литургии и что должны знать и свято соблюдать все мои сослужители о Господе. В долговременную бытность мою на Востоке я внимательно следил за ходом и приемами богослужения тамошних архиереев и священников и между прочим заметил, что нигде там, ни на Синае и Сионе, ни в Афонских и Фессалийских монастырях... ни в Египте и Сирии, ни во всем Константинопольском патриархате никто тотчас после призвания Святого Духа на Дары, какое читается в чине литургии, никто ни тайно, ни гласно не произносит молитвы: „Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый...“; тогда как мы говорим эту молитву, даже с воздеянием

рук горе, хотя и не громко, но вслух. Такая разность смущала меня. Смущение же порождало во мне желание узнать: почему восточные не произносят оной молитвы, и от кого мы, северные, заняли обычай глаголать ее, кто поступает правильно: те или мы. Я спрашивал многих греческих архиереев, игуменов и священников: почему вы не произносите молитвы: „Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа...“ и прочее и от всех получал один ответ: „Кто произносит сию молитву непосредственно после призывания Святого Духа на Дары, тот прерывает смысл литургии, в которой священнослужитель просит Бога Отца, а не Бога Сына, ниспослать Духа Святаго на подлежащие Дары и преложить хлеб в Тело Христово, а вино в Кровь Его. Произнесите вы в ту минуту оную молитву, относящуюся к Сыну Божию, воплотившемуся во Христе, у вас выйдет вот какая престранная бессмыслица: Ты, Господи, Христе, Который ниспослал Духа Святаго на апостолов, Ты сотвори хлеб сей Честное Тело Христа Твоего. И так Христос двоится и творит Сам Себя. А если вы не произнесете оной молитвы, то удержите настоящий смысл литургии, по которому Бог Отец творит Честное Тело Христа Своего. Перестаньте же говорить: Господи, Христе, сотвори Христа Твоего, и по служебнику произносите: Ты, Боже Отче, Которому приносится литургийная Жертва, сотвори Христа Твоего. С такую молитвою вы разумно, смысленно, правильно совершите Таинство“. Признаюсь: такой ответ вразумил меня вполне. Восточные правы, а мы не вполне правы... Но от кого же занято нами литургийное постановление произносить вышеизложенную молитву тотчас после призывания Святого Духа, да и надобно ли произносить ее с воздеянием рук и вслух, как это делается у нас? Это постановление было прислано к нам Константинопольским патриархом Филофеем, составителем так называемой диаконской литургии, которому в XIV веке подчинялась наша Церковь. Мы, как покорные чада его, приняли устав его, а все восточные архиереи не приняли, потому что этим уставом подавался повод к переиначиванию главного смысла литургии. Но надобно знать и твердо помнить, что в самом чине Филофея положено произносить оную молитву тайно (про себя), да и без поднятия рук. Стало быть, мы поступаем даже

не по этому чину, а произвольно, воздевая руки и говоря не тайно: „Господи, Иже Пресвятаго Духа“ и прочее» [там же, с. 467].

Епископ Порфирий, как видим, утверждает, что чин Литургии с тропарем третьего часа был прислан нам Константинопольским Патриархом Филофеем и что сам Патриарх Филофей взял этот обычай в Александрийской Церкви, «ныне там уже не соблюдаемый» [там же]. Но последователь ученого архимандрита профессор А. Дмитриевский решительно возражает против такого утверждения. По его мнению, чтение тропаря стало известным только в XV веке и распространилось через Венецианские издания греческих Евхологионов, и таким образом оно могло попасть в «Синтагматион» Александрийского Патриарха Герасима, которого видел в Каире епископ Порфирий. Свое возражение профессор А. Дмитриевский обосновывает тем, что в Каирской библиотеке, которую он тщательно изучил, в Евхологионах XIV–XV вв. тропаря «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа...» нет. Нет его и в русских служебниках XIV в., введенных митрополитом Киприаном, который, будучи поставлен в митрополиты Патриархом Филофеем, вводил в Русской Церкви служебник, редактированный этим Патриархом. Нет его и в служебниках более раннего времени [2, с. 413–429].

Профессор Н. Красносельцев приводит славянский перевод устава Божественной службы Патриарха Филофея «Како достоин священнику с диаконом служить». Этот устав был принесен в Россию митрополитом Киприаном и весьма часто встречается в наших рукописных богослужебных книгах XV–XVI вв. в соединении с текстом Литургии. Здесь перед благословением Даров тоже нет тропаря третьего часа [5, с. 171, 187]. В Русской Церкви в XV в. с появлением тропаря в то же время сохранялась и прежняя практика, а всеобщая практика чтения тропаря устанавливается только в XVI в.

Что же предлагает епископ Порфирий (Успенский) в связи с этим существенным расхождением между нами и греками в литургиях? Получив разъяснение от восточных и уразумев нашу неправоту, он задает вопрос: «Что же остается нам делать? Отменить моление „Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа...“, которое произносилось у нас в алтаре в течение пятисот лет? Нет,

не будем отменять его, а во-первых, перестанем произносить его вслух с поднятыми руками, что не положено даже в чине Филофея; во-вторых, будем внушать православным, чтобы они в минуты пения стиха „Тебе поем...“ тайно в душе своей молились: „Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа...“; в-третьих, произнося эти моления перед св. Престолом тайно, про себя, твердо ведаем, что произносим их... ради себя самих, а отнюдь не для освящения Даров... и после произнесения их пусть возносимся мысленно не к Богу Сыну, а к Богу Отцу и глаголем: „И сотвори убо хлеб сей Честное Тело Христа Твоего, а еже в чаши сей — Честную Кровь Христа Твоего“. Таким образом мы не прервем связи молитв Божественной литургии, возносимых Богу Отцу, да и с греками... со всею нынешнею Восточною Церковью будет едина сила и едино сочетание о Христе» [7, с. 468].

Можно ли в современных условиях бытия Церкви принимать и применять предложения епископа Порфирия, высказанные им в связи вопросом о произнесении тропаря третьего часа на Литургии? Вопрос этот очень сложный, но возможным решением будет изъять этот тропарь из чинопоследований анафор обеих литургий, хотя сделать это и в настоящее время, по-видимому, будет очень трудно и, пожалуй, невозможно. Для этого, во-первых, необходимо, чтобы в высших наших церковных инстанциях и хотя бы в некоторой части духовенства произошло полное осмысление и осознание его неуместности в евхаристических молитвах, а это — процесс очень длительный. Здесь проявляется наша косность и сильная привычка к утвердившемуся веками обычаю. Во-вторых, неизвестно, какая может быть на это реакция простых верующих (мирян). И в-третьих, в наших научно-богословских сферах на этот вкравшийся, случайный элемент в анафорах мало обращают внимания. Считается лучшим гарантированное молчаливое спокойствие, воцарившееся при совершении главной нашей службы. В любом случае, до соборного решения этого вопроса, имеющее целенаправленность от епископата, не следует привносить никаких произвольных изменений в Литургию, которые влияют не на букву, а на смысл молитвословий.

Литургическая деятельность епископа Порфирия Успенского поражает своим многообразием и разносторонностью. Во время

своего пребывания на христианском Востоке он везде, где только можно было, собирал ценнейшую информацию об истории богослужения, храмовом зодчестве, особенностях литургической жизни не только православных, но и других христиан. Ценность этих исследований заключается в том, что фактически епископ Порфирий стал первым, кто открыл для русских богословов удивительное многообразие восточного христианского богослужения. Приведенные им описания составлены по собственным воспоминаниям или со слов других очевидцев. Его исследования стали первоисточником для развития в отечественной науке литургического богословия.

Даже поверхностное ознакомление с жизнью и трудами епископа Порфирия (Успенского) удивляет; как один человек мог столько сделать и в бытовом отношении, и в научной среде? Промыслом Божиим именно ему довелось стать первым русским ученым литургистом, который не по книгам или по исследованиям других ученых писал свои труды, но сам изучал литургические памятники Святой Земли, греческих монастырей, инославных христиан. Его исследования стали на долгое время образцом для скрупулезного изучения христианского Востока.

Жизнь и научный подвиг епископа Порфирия является показательным примером ученого богослова — несмотря ни на какие материальные и моральные трудности, он основывает Русскую духовную миссию в Иерусалиме, которая до сегодняшнего дня особо чтит в себе благоговейную память о своем основателе. Вернувшись на Родину и став архиереем, епископ Порфирий не только не забывает своих трудов на Востоке, но и дает миру научные труды, публикуя свои путевые заметки и литургические наблюдения. Покинув этот мир почтенным старцем, он и после этого потрудился на благо отечественного востоковедения, завещав свои сбережения другим ученым, которые бы продолжили начатое им дело изучения литургических памятников древности.

Его горение в церковной работе и в науке увлекали своим примером других. Позже знаменитые отечественные литургисты А. Дмитриевский, М. Скабалланович и другие будут опираться на его труды и продолжать начатые им исследования. Еще при его жизни опубликованные сочинения послужили для возрожде-

ния литургического богословия в Киевской духовной академии, а также и других учебных заведениях Русской Православной Церкви. Его вклад в науку неocenим и неизмерим. Епископа Порфирия со всей ответственностью можно назвать первопроходцем отечественного научного литургического богословия.

Внимательная работа в Синайском монастыре Екатерины послужила на пользу всему христианскому миру. Так ученый архимандрит стал фактически первым, кто изучил древний Синайский кодекс книг Священного Писания. На его изучение он потратил несколько лет, еще находясь на Святой Земле. Там же им были обнаружены и изучены древнейшие иконы. Епископ Порфирий скрупулезно разбирает стихотворные богослужебные гимны древнейших Патриархатов: Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей.

Своими трудами добродетельный ученый иерарх дал предпосылки для серьезного исследования христианского богослужения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотов В. В.* Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого // Христианское Чтение. 1914, март.
2. *Дмитриевский А. А.* Отзыв о сочинении еп. Порфирия Успенского «Восток христианский. История Афона. Ч. 3. Афон монашеский» // Византийский временник. 1894. Т. I.
3. *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты. К., 1890.
4. *Карабинов А.* Евхаристическая молитва (анафора). Опыт историко-литургического анализа. СПб., 1908.
5. *Красносельцев Н., проф.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885.
6. Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. СПб., 1910. Т. 2.
7. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа, Порфирия Успенского в 1846 г. К., 1877. Ч. 2. Отд. 1.
8. *Порфирий (Успенский), архим.* Книга бытия моего. СПб., 1896. Т. 4.

9. *Порфирий (Успенский), архим.* Отрывок из путешествия в Метеорские монастыри в Фессалии, в 1859 г. // Труды КДА. К., 1866, апрель.

10. *Порфирий (Успенский), архим.* Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году. СПб., 1856.

11. *Порфирий (Успенский), еп.* Восток христианский. Абиссиния // Труды КДА. К., 1866. № 3.

12. *Порфирий (Успенский), еп.* Стихирарные пииты // Труды КДА. К., 1878, июнь.

13. *Успенский Д.* Анафора. Опыт историко-литургического анализа // Богословские труды. Сб. 13.